

В заключение можно пожелать, чтобы автор переделал введение, исправил отдельные недочеты в комментарии и издал свою книгу большим тиражом, дабы сделать ее доступной во всех пединститутах и университетах: она несомненно принесет большую пользу студентам, работающим в спецсеминарах по истории Византии.

А. П. Каждан и М. А. Заборов

В. НИКОЛАЕВ. СЛАВЯНОБЪЛГАРСКИЯТ ФАКТОР В ХРИСТИАНИЗАЦИЯ НА КИЕВСКА РУСИЯ

Българска Академия на науките, София, 1949, 168 стр.

Вопрос о русско-болгарских связях в X в. в последние годы являлся предметом пристального изучения как советских, так и болгарских ученых. При этом традиционное представление о вражде между двумя славянскими народами в X в., о войнах между ними, о том, что Святослав якобы являлся послушным орудием в руках византийских императоров, натравивших его на Болгарию, — все эти устаревшие взгляды подверглись пересмотру. Уже М. Г. Попруженко пришел к выводу, что между Святославом и болгарским царем Борисом II шли переговоры о заключении русско-болгарского соглашения и союза, переговоры, крайне напугавшие византийское правительство, что Святослав после взятия Преславы не посягнул на сокровища болгарского царя, что русский князь и его дружина с исключительным уважением относились к болгарскому царю и его семье¹.

Совершенно по-новому вопрос о русско-болгарских связях в X в. был поставлен в работе М. Н. Тихомирова „Исторические связи русского народа с южными славянами“. Автор этой работы подчеркнул древность экономических и культурных связей между Болгарией и Русью, установил наличие политических связей между Болгарией и Русью уже в первой половине X в. и доказал, что во время походов Святослава между Болгарией и Россией был заключен союз². К аналогичным выводам совсем недавно пришел и П. О. Карышковский³.

Пересмотру традиционных представлений о русско-болгарских связях в X в. посвящена также рецензируемая книга В. Николаева. Она состоит из 13 основных глав, которым предпосланы предисловие и введение и которые завершаются резюме на русском и французском языках.

Ценный материал собран В. Николаевым в главе „Книжовни и други культурни връзки между Дунавска България и Киевска Русия“ (стр. 139—160). Используя труды советских ученых, автор правильно указывает на существование старинных хозяйственных и культурных связей между населением Поднепровья и областей по Нижнему Дунаю.

¹ М. Г. Попруженко. България и Киевска Русия. Списание Родина, София, год 1, 1939, кн. 3, стр. 28.

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. „Славянский сборник“, ОГИЗ, 1947, стр. 132—152.

³ П. О. Карышковский. К вопросу о политических взаимоотношениях Византии, Болгарии и Киевской Руси в 967—971 гг., кандидатская диссертация, 1951.

Автор устанавливает сходство между русской и болгарской керамикой; он привлекает важный эпиграфический материал, проливающий свет на связь между болгарской и русской письменностью. В. Николаев высказывает предположение, что в школах, организованных Владимиром, в качестве учителей использовались болгарские монахи. Все эти факты лишней раз свидетельствуют о дружественных отношениях между восточными и южными славянами в X в.

Исходя из правильного представления о наличии в X в. интенсивных хозяйственных и культурных связей между Киевской Русью и Болгарией, В. Николаев, однако, положил в основу своей книги ложную мысль о том, что христианство было принято русскими не от греков (византийцев), но именно от болгар. Стремясь доказать это неверное положение, В. Николаев в сущности развивает гипотезу М. Д. Приселкова, который впервые поставил вопрос о заключении киевским князем Владимиром соглашения с болгарским царем Самуилом; по этому соглашению, полагал М. Д. Приселков, в Киеве была установлена церковная иерархия, зависимая от Охридского патриархата. Установление этого соглашения М. Д. Приселков относил к 990 г., т. е. ко времени до перехода византийского императора Василия II к решительному наступлению против Западной Болгарии, ко времени подъема Западно-болгарского царства Самуила¹.

Гипотеза М. Д. Приселкова не была принята большинством исследователей, указавших, что она опирается на совершенно недостаточное количество фактов: в частности, нет никаких данных о переговорах между Владимиром и Самуилом. Кроме того, оппоненты М. Д. Приселкова указывали, что создание новой (Киевской) иерархии вряд ли могло быть делом Охридского патриархата, ибо только Константинопольская и Римская церкви претендовали в то время на право создавать новые иерархии.

Пытаясь в рецензируемой работе возродить гипотезу М. Д. Приселкова, В. Николаев столкнулся, естественно, с большими трудностями.

Общезвестно, что в русских летописях крещение Руси прямо и недвусмысленно приписывается византийцам. Для доказательства своей гипотезы В. Николаев должен был опровергнуть это утверждение летописцев. С этой целью В. Николаев в источниковедческом разделе своей работы стремится доказать, что древнейшие летописи и предания (в частности, „Сказание об испытании вер“), — наши важнейшие источники по вопросу о „крещении Руси“, представляя собой будто бы позднюю греческую или русскую грекофильскую переработку: поздние „интерполяторы“, по его мнению, умышленно сфальсифицировали ту часть „Повести временных лет“, в которой рассказывается о „крещении Руси“, — в прогреческом духе; с другой стороны, руководствуясь „болгароненавистничеством“, присущим византийской церкви, они старались очернить ненавистных грекам болгар и искоренить в сознании киевских славян память о русско-болгарских связях и о принятии христианства Киевской Русью из Болгарии.

Хотя в источниковедческом разделе, занимающем значительную часть рецензируемой работы, автор и проявил основательное знание материала, подверг детальному анализу большое количество памятников на славянских языках, а также греческих, латинских и некоторых восточных текстов, однако В. Николаеву не удалось все же опровергнуть

¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., СПб., 1913, стр. 55.

летописного известия о принятии христианства на Руси при Владимире от греков.

Действительно, никакие комбинации не могут уничтожить многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что между Василием II и Владимиром существовало соглашение: действительность его проявилась как во время похода русских дружин против восставшего в Малой Азии Варды Фоки, так и во время совместного русско-византийского похода против хазарского наместника в Крыму. Вполне естественно, что это политическое соглашение должно было найти свое идеологическое закрепление — именно эту роль (в плане русско-византийских отношений) сыграло крещение 988 г.

Самое „болгароненавистничество“, якобы открытое В. Николаевым (одна из глав его книги называется „Болгарофобия в „Сказании об испытании вер““), представляется крайне сомнительным: оно чрезвычайно плохо вяжется с фактами широкого проникновения болгарской литературы на Русь. Аргументация, которую приводит В. Николаев в защиту своей теории, представляется нам весьма шаткой. Ни в коей мере нельзя, например, согласиться с фантастическим утверждением В. Николаева, будто бы летописец умышленно смешивает дунайских и волжских болгар, чтобы создать у читателя впечатление, что дунайские болгары также являлись мусульманами (стр. 34). Совершенно произвольно утверждение В. Николаева, что в „Сказании об испытании вер“ речь идет о дунайских, а не о волжских болгарах и что, следовательно, дунайские болгары также присылали в Киев своих проповедников (стр. 40—41).

Таким образом, аргументы, выдвинутые В. Николаевым в защиту гипотезы М. Д. Приселкова, отнюдь не могут быть признаны убедительными.

Чувствуя шаткость своих источниковедческих построений, В. Николаев, с целью подтвердить свои выводы, подходит к вопросу во второй части книги с другой стороны. Он указывает что русские были христианским народом еще до крещения 988 г., и считает, что это последнее коснулось лишь небольшой части киевского населения. В. Николаев собрал значительный материал, на основании которого пытается доказать, что христианство было распространено на Руси еще до 988 г.

В этой связи особенно интересны данные буллы папы Иоанна XIII от 972 г., в которой Русь и Болгария ставятся в церковном отношении в один ряд как страны, где богослужение совершается на славянском языке, тогда как, по мнению папы, оно должно повсеместно совершаться на каком-либо из „священных“ языков, в частности, на латинском.

Однако эти факты В. Николаев истолковывает совершенно неправильно. Разумеется, проникновение христианства на Русь было процессом длительным. Памятники византийской агиографии, исследованные В. Г. Васильевским, показывают наиболее ранние этапы этого процесса, относящегося, повидимому, ко времени до образования Болгарской архиепископии. Патриарх Фотий также свидетельствует о том, что христианство проникало на Русь еще в IX в. Всем хорошо известно, что княгиня Ольга приняла христианство. Однако христианская церковь на Руси получила официальную санкцию лишь после принятия христианства Владимиром. При этом, разумеется, последний факт отнюдь не означал завершения процесса христианизации Руси — язычество сохранялось на Руси чрезвычайно долго: в частности, оно

служило идеологической формой, в которую облакался протест феодально-зависимых крестьян.

Таким образом, доказывая наличие христианства на Руси до 988 г., В. Николаев „открывает“ общеизвестные истины; в то же время его попытка объявить крещение Руси событием, не связанным с определенным годом (его „нельзя считать конкретным историческим событием“, стр. 164), является абсолютно неверной; не приходится отрицать, что крещение 988 г. в качестве официального акта имело большое политическое значение.

Стремясь в обоснование своей точки зрения принизить политическое значение крещения 988 г., В. Николаев обращается к „аргументации“, почерпнутой из норманнистской теории: он объявляет, что это крещение было крещением языческой норманнской верхушки русского общества.

Подобный реверанс перед норманнистской теорией, отвергнутой в советской исторической науке и привлекаемой буржуазными историками для доказательства „неспособности“ славянских народов самостоятельно создать государство, свидетельствует, что В. Николаев, хотя он и прокламирует свое стремление использовать достижения советской исторической науки, остается подчас в плену идей, враждебных славянским народам.

Следует признать совершенно недопустимым, что В. Николаев некритически использует сочинение фашистского писака Г. Коха „Охрида и Византия в борьбе за христианизацию древней Руси“, заимствуя из него, в частности, утверждение, будто бы при дворе князя Владимира существовала латино-германская партия киевских варягов (!) (стр. 58).

Влияние норманнистской теории проступает и в других местах работы: автор говорит о норманнском происхождении Святослава (стр. 101), указывает, что варяжское происхождение Владимира (?) якобы благотворно влияло на его нравственность (стр. 53) и т. п.

Хочется пожелать, чтобы болгарские историки как можно скорее изжили влияние норманнистской теории, которое еще заметно в их работах.

Крупной методологической ошибкой В. Николаева является преувеличение значения христианства, которое автор считает едва ли не главным и единственным фактором культурного развития Днепровской Руси. К тому же В. Николаев не рассматривает христианство как надстройку над определенным базисом; он не выясняет тех классовых сил, которым оно призвано было служить, не показывает, интересы какого класса оно защищало, — он видит в христианстве исключительно фактор „культурного“ порядка.

Все это свидетельствует о том, что автор не справился с поставленной перед ним задачей. Не изжитое еще преклонение перед норманнистской теорией заставило его исказить подлинную картину болгаро-русских отношений X в., хотя отдельные собранные им факты несомненно заслуживают внимания. К тому же увлеченный болгарским национализмом, В. Николаев стремился вывести всю культуру Киевской Руси из Болгарии. Он, наконец, вступил на путь идеализма, преувеличив значение христианства и не вскрыв его классовой роли. Все это показывает, что В. Николаев еще недостаточно овладел методологией советской исторической науки — методологией марксизма-ленинизма.